

СТИХИ И ПРОЗА – ДВА КРЫЛА

Беседа с Владимиром Ивановым о судьбе и творчестве

Автор одиннадцати книг поэзии и прозы. Лауреат Международного конкурса «Не жалея свое сердце, поэт». Лауреат Всероссийского литературного конкурса «Герои Великой Победы», других конкурсов и премий. Заслуженный работник культуры Российской Федерации. Академик Петровской академии наук и искусств. Удостоен шолоховской юбилейной медали «За гуманизм и служение России». Автор поэтической книги «Все любимо с детских лет», рекомендованной для школ и вошедшей в электронную библиотеку «Золотой фонд детской литературы Сибири». Это кемеровчанин Владимир Иванов, мой собеседник. Оба мы окончили Уральский госуниверситет, трудились в журналистике. Он ещё с 1983 года член Союза писателей СССР и Союза писателей России. Можно оглянуться на прожитое и на творческий путь.

- Всегда мне было интересно, как творческий человек выбирает дело жизни, определяет свой путь. Как у тебя начиналось и как тяга к слову влияла на биографию?

- По словам мамы, я в детстве исписывал целыми страницами заголовки газеты. Только заголовок, тогда ведь не только писать, но еще и читать не умел. Можно сказать, срисовывал заголовок газеты в тетрадь. Чем это объяснить? Да и в школе выявилось пристрастие к книгам, к литературе. В нашей четырехлетке в школьном коридоре стоял шкаф, набитый книгами. Этот шкаф заменял библиотеку и стоял поперёк коридора как перегородка. Учительница выдавала оттуда книги. А я просил каждый день да через день. Она сказала: будешь читать не больше одной в неделю, много читать вредно да и на успеваемости отразится. А я что делал? Тайком отжимал заднюю фанерную стенку шкафа и втихаря таскал книги домой. Каюсь, и так бывало. Прочитал – обратно на место.

Дома была большая общая тетрадь в черном коленкоре, исписанная стихами. Помню эту тетрадь с поблекшими строчками, ещё маленьким держал в руках. Мама рассказывала, что та тетрадь была её брата Николая Александровича Алёшина. Он погиб на Ленинградском фронте. Там были стихи Пушкина, Лермонтова и моего дяди, он тоже писал стихи. Мама берегла тетрадь как память о брате. И мне она стала дорога как семейная реликвия. И стихи, и мама, и тетрадь были в одном ряду в моей детской жизни. Потом, когда научился читать, стихи влекли какой-то необъяснимой тайной. Вроде бы

простые слова, а вызывают особое состояние, особую музыку в душе. Этого не дает никакой прозаический текст. Поэзии не может быть в обыденном нашем окружении, где куры разгребают навоз, свиньи валяются в луже, безрадостно дождичек осенний сеет. Нет, думал я, поэзия – это волшебство, нечто сказочное, необычное, нездешнее, что живет далеко-далеко за морями, за долами подобно сказочной Жар-Птице.

Детство и юность прошли в селе Банново Кемеровской области. Истоки многих моих стихотворений – в деревенской жизни, в той природе, которая меня окружала. Луга, перелески, за огородами серебристая речка Банновка, за Томью на горизонте в синем мареве покрытые тайгой предгорья Кузнецкого Алатау. Окрест села - озерки и озёра, хлебные поля со светлыми березняками, дальше клюквенные и журавлиные болота. Для детского взгляда – сказочный и необъятный мир. Всё будило фантазию, будоражило воображение. А какая радость увидеть зайца или рябчика, когда отец брал с собою в лес! Сколько подарков, чудес и приволья деревенским детям вокруг! Кулёчек первой земляники, привезенной отцом с покоса, кружка парного молока от мамы с краюхой хлеба... Выбежать на ближайший лужок, распластаться на траве. А в травах новое удивительное царство. Много всякой живности снуёт, копошится, не обращая внимания и даже не ведая обо мне. Взглянешь наверх и тонешь в голубом мареве. Как чудно на белом свете! Кто и зачем всё так устроил? В такие мгновения будто и нет тебя – растворился в окружающем пространстве или пространство стало тобой.

Был мир детства параллельный реальному - и населен сказочными существами. Я знал, что в болоте живет Кикимора, а в омуте – Водяной. О них мне поведала бабушка, чтобы я опасался и, не приведи Господь, не попался им в руки. Ослушаешься взрослых, уйдешь один – они вмиг заберут к себе! А на небе жил Бог. И хотя он добрый, но всё видит и воздаст за проказы. Да еще как воздаст! Я Бога почитал, видел, как его любила бабушка. В этом мире пребывала во мне и поэзия:

Я еду верхом на коне,
К отцу снарядили с едой,
И деда пилотка на мне
С остроконечной звездой.

Вот солнце уходит с небес.

Въезжая в Разбойничий лес,
Я крепче прижал узелок –
Весь выцветший мамин платок.

У страха глаза велики.
Мой конь убыстряет шаги.
Вот поле. А вот и луна.
А вот и сушилка видна.

Отец на току сторожит,
С ним рядом я, греясь, прилѐг.
А сверху с улыбкой глядит
Всевидящий бабушкин Бог.

Всё это с малолетства жило во мне, было привычным, как воздух, которым дышишь, его не замечая. Красота деревенской природы была просто естественным состоянием, которую я бессознательно, как губка, впитывал в себя. Теперь, по прошествии многих лет, с приятным удивлением замечая: с возрастом всё отраднее любоваться извечным обновлением природы, всё милее с ней свидания. Особо в межсезонье, когда одно время года перетекает в другое.

Впервые рифмуя строки, не ведал, что стихи для меня – не мимолётное юношеское увлечение, потребность высказаться стихами сохранится на годы. Первые стихи, на которые обратили внимание, были как раз о том, что меня окружало и что я не считал предметом поэзии. Та деревенская природа, те виды, что для меня были обычными и привычными. Мои стихи о сельской природе стали печатать в районной газете. Трудней всего переплавить в поэзию повседневное окружение. Я добываю красоту из жизни некрасивой в общем, сказал поэт. В точку сказал!

Я со школьных лет был активным парнем. В Банновской восьмилетке - председатель совета дружины, возглавлял исторический кружок, фотокружок. В Крапивинской средней школе, которую окончил, участвовал в художественной

самодетельности и других общественных делах. В школе было производственное обучение, мы учились на механизатора. После окончания школы могли работать на тракторе, на комбайне. Помню, по осени директор совхоза «Банновский» нас отпросил у директора Крапивинской школы. И мы, трое десятиклассников, весь сентябрь на родных полях убирали на комбайне хлеб, поскольку механизаторов не хватало. А мальчишками возили копна на заготовке сена, пасли совхозных телят, я ещё помогал отцу на конном дворе. Так что сельские заботы мне знакомы с детства. Думал, жизнь моя будет связана с селом. Окончив среднюю школу, работал в совхозе «Банновский» - на покосе, на уборке хлеба, а осенью на тракторе «Беларусь» стогомётом скирдовал солому на полях. Поступил в университет. В своём сельском районе газеты в то время не было. Районы то укрупняли, то разукрупняли. Пришлось поехать в город, стал работать в газетах. Редактировал газеты на угольных предприятиях, на военном заводе, на железной дороге, на стройке, в технической инвентаризации. Тяга к слову меня и притягивала к редакциям. В основном, многотиражных газет. Делать журналистскую карьеру в областных, центральных газетах не помышлял, основным делом своим видел литературное творчество.

Но журналистика не только словесная профессия. Она знакомит со многими сферами жизни, с людьми разных специальностей. Начиная и десять лет проработал в городской газете, был литературным сотрудником, заведующим отделом промышленности, строительства и транспорта. Освещал производственную жизнь города. Это - самый хлопотливый, самый забойный отдел редакции. Интересная, напряженная была работа. Одновременно четыре года являлся членом горкома комсомола, председателем городского штаба «Комсомольский прожектор». Неоднократно проводил рейды на стройках, в шахтах по соблюдению безопасности труда, по использованию подземного оборудования. Не один, конечно, а совместно с горными специалистами. В разные шахты города спускался раз тридцать. Бывало, после рейдов днями отхаркивался угольной пылью и дивился, как это шахтеры могут работать под землёй годами. Как-то случайно задел рычаг гидростойки и крепь стала медленно оседать, всё ниже и ниже, кровля затрещала. Страх нешуточный, нутром испытал опасность горняцкой профессии. Горный инженер, мой гид, исправил ситуацию. Добыча угля открытым способом мне тоже знакома, несколько лет редактировал газету, заведовал отделом информации компании «Кузбассразрезуголь».

- В годы перестройки многие оставили литературу, - не прокормное занятие, невыгодное дело. Как тебе удавалось продолжать заниматься писательством?

- В 1983 году меня приняли в Союз писателей СССР. Наконец-то могу заняться только писательством! Зимой работал за письменным столом. Но гонорары – событие довольно редкое и нерегулярное, летом подрабатывал на стройках. Участвовал в ремонте и наружной отделке Тайгинской макаронной фабрики. Штукатурил высоченный мукоприёмник Юргинского хлебозавода. Участвовал также в побелке и покраске внутренних цехов этого хлебозавода. Красили и белили без остановки печей. Жара невыносимая, пот льёт ручьями, а ты знай водишь малярной кистью или валиком. В Белове ремонтировал жильё работникам хлебозавода. Вёл кровельные работы на седьмом хлебозаводе Новокузнецка. Работал также в системе мелиорации. А в армии служил в Забайкальском военном округе. Этот жизненный опыт явился доброй основой моей прозы. Если бы не резкие изменения в связи с перестройкой, удалось бы воплотить многие творческие задумки. А не топтаться, как сейчас, на кладбище замыслов. Но всё-таки после принятия меня в ряды профессиональных писателей успел с десятков лет побыть человеком свободного труда, свободным художником. Кто такой профессиональный писатель? Тот, кто достиг должного уровня мастерства и может прокормить себя и семью своим профессиональным трудом. Жалею, что профессионально поработать в литературе удалось немного. После перестройки это стало невозможно, писателям перестали платить журналы, издательства, не стало гонораров, я снова начал работать в газетах. Хэмингуэй говорил: газета раздробляет ум, писатель должен уйти из нее, пока этого не случилось. В чем-то он прав. Но журналистика была во всех отношениях для меня благим делом. Это всегда надежный кусок хлеба на близкой мне по духу словесной ниве. А сколько было встреч с интересными людьми!

Мне не раз делали заманчивые предложения, но судьбу я выверял писательской меркой, считая, что это мое главное дело, а всё остальное – побочное. Однажды вызвали в управление КГБ. Я крестьянский сын, учусь в университете, член горкома комсомола, председатель городского штаба «Комсомольский прожектор». Моя кандидатура вполне подходит для направления меня в школу КГБ. Есть вероятность попасть в разведшколу. Я сознался, что иностранный у меня хромает. Это даже хорошо, заметили. Там заставят забыть, чему учили и будут переучивать заново. На размышление дали неделю. Я прокручивал в голове возможные варианты дальнейшей судьбы. согласишься – уже подневольный человек, уже другие будут управлять твоей судьбой, а не сам. Отказался. На меня такие взгляды! Парень, ты хоть понимаешь, от чего отказываешься! Это же совсем иная жизнь, другого уровня! Тебе же улыбнулась

фортуна! Редко кому предлагают такое! Но я остался при своем решении. Предлагали также пост главного редактора газеты «Железнодорожник Кузбасса», она выходила на две области – Томскую и Кемеровскую. Я был замом редактора. Тоже отказался. Меня только-только приняли тогда в Союз писателей, отныне не привлекала никакая другая работа. Теперь, не отвлекаясь, можно заниматься главным делом жизни.

- Кстати, ты в то время стал одним из самых молодых членов Союза писателей СССР от Урала и до Дальнего Востока, если не самым молодым. В этом тоже был явлен твой креатив. А условия приема в Союз тогда были очень жесткие, планка держалась высоко. Принимали как в академию бессмертных.

- Заманчивое предложение сделали и в армии. Я был автоматчиком, башенным пулеметчиком на бронетранспортере с крупнокалиберным пулемётом Владимира. Активно писал материалы в дивизионную и окружную газеты. Потом меня перевели в дивизионную газету корреспондентом.

Кадровые военные корреспонденты – все питомцы Львовского высшего военно-политического училища. Все друг друга знают. И когда приезжал из Читы военкор окружной газеты «На боевом посту» лейтенант Володин, меня вызывал к себе редактор нашей дивизионки «На страже Родины» капитан Лаврук. Мы, говорил он мне как-то не по-военному, а дружески, с Колей устроим мальчишник, вспомним о былом. Ты же постарайся выполнить, что тебе Коля скажет. Лейтенант протягивал список с заданием. Он в нашу дивизию командировался неоднократно. Выполняя его задания, я побывал в мотострелковых частях, в танковом полку, в автобате, разведбате, в батальоне связистов, химроте, в полку артиллеристов и других подразделениях. Я освобождался от своих прямых обязанностей и писал материалы для Володина. На День печати награждался Благодарственным письмом окружной газеты. Статей, заметок, репортажей, зарисовок выходило много и все их публиковать под одной моей фамилией для редакции неудобно, неэтично. Володин с моего согласия подписывал большинство моих творений фамилиями моих сослуживцев. В нашей типографии было шестеро солдат: один – водитель, остальные – наборщики. И надо было видеть, как я их строем веду на почту получать мой гонорар! У меня, военкора, был пропуск на свободное хождение по гарнизону. Мы закупали в армейском магазине всякой-всячины и много дней не топали в нашу солдатскую столовую на обед.

По окончании службы, после офицерских курсов предложили остаться военным корреспондентом окружной газеты «На боевом посту». Перспективы тоже заманчивые. Веский аргумент – на пенсию уйдешь намного раньше, чем на гражданке, да еще в чине

подполковника. Но военный человек – лицо подневольное, куда прикажут – туда пойдешь-поедешь. Тоже отказался. У Глеба Горбовского есть строки: «Война мальчишке обострила зренье. / Не променял на золото погон / Серебряной строки стихотворенья / И в общий сел, прокуренный, вагон». От таких отказов, может, немало упустил. Но я-то свою судьбу знал и оберегал ее от давления извне. Так что фортуна, удача, счастливый случай стучались не в ту дверь. Зато я жил, как хотел, стал, кем хотел, сам правил своей судьбой, а не внешние обстоятельства корежили жизненный путь и выворачивали душу. Согласись я на соблазнительные, выгодные в материальном плане предложения, я прожил бы чужую, а не свою жизнь. При принятии решений всегда побеждала та самая вынесенная из детства мечта о поэзии, о писательстве. Она была и остается оберегом самого главного в душе. Служение слову, следование своему призванию выстроили мою судьбу такой, какая она и сложилась.

Я привел факты биографии. Но на стихи биография почти не влияет. Где и кем трудился – для поэта не столь важно. Рабочая анкета больше скажет о прозаике, а в поэтической судьбе она мало что значит и мало что поясняет, разве что - насколько обстоятельства препятствовали или способствовали творчеству.

- Да, поэзия – такой неуловимый предмет!

- Вот именно! Неуловимый. Можно взять отпуск и сесть за стол писать стихи, весь месяц просидеть и не написать ни одной стоящей строки. У Бориса Примерова есть стихи: «Быть может, совсем не случайно, / Кого-то рукой отстраня, / И мне повстречается тайна, / Которая ищет меня». Поэт держит себя в тонусе, в особом настрое для встречи с этой тайной. Поэзия осеняет нежданно, временами. Но ты должен быть готовым к этому постоянно, – чтобы дух не дремал, душа была в настрое, чтобы миру был открыт, благо всем и всему желая. Радость встречи с поэтической тайной порой озаряла мою жизнь ни с чем не сравнимым чувством.

- Поэзия – тонкая материя. Тем более, ты – преимущественно тонкий лирик. А лирика – не для эстрадных площадей, для уединённого чтения, потому не особо популярна. Переведём беседу с высоких сфер на конкретику. Для этого я подготовил цитаты коллег и критиков о твоей поэзии, а также, в подкрепление, – твои строки.

«Владимир Иванов радуется неизбитостью, образностью, остротой поэтического мышления», - отмечала московская поэтесса Людмила Щипахина. Кемеровский поэт Игорь Киселёв: «Поэтический голос Иванова своеобразен, его

не спутаешь с другими, я сказал бы, что у него - природная постановка поэтического слуха... Нередко поэт пытается оживить неживые предметы, вдохнуть в них душу, и это придает его стихам особую эмоциональную окрашенность. Так, у него «избушки тихого селенья к восходу ставнями гребут», а в другом стихотворении «...поёт в подойник молоко». Замени здесь слово «поёт», казалось бы, более точным по смыслу словом «звенит» и мгновенно исчезнет очарование этой строки. Это - один из маленьких секретов большой поэзии».

Твою поэзию выделял наш знаменитый земляк поэт В.Д. Фёдоров. «Поздравляю с первой столичной книжкой. С интересом прочитал. По-моему, книга получилась. В ней уже заметно проглядывает лицо поэта, что в первых книгах случается не очень-то часто», - писал тебе из Москвы. Вёл с тобой наставническую переписку с анализом творчества, приглашал к себе в Марьевку для разговора о рукописи твоей будущей книги; как правило, по приезду из столицы в Кузбасс к себе на родину, бывая в нашей писательской организации, интересовался твоей творческой судьбой.

- И не только в Кузбассе. Когда я учился в Литературном институте, встречался с Василием Дмитриевичем в Москве, где он тоже интересовался моей судьбой, вёл разговор о моём творчестве, давал советы.

- Раз творчество твоё начиналось со стихов о природе, продолжим беседу на эту же тему. Ты первоначально представлял своё видение мира в живописных картинах природы:

Но холст зимы на клочья рвётся,

В округе проталь, птичий гам,

И ручеёк беспечно вьётся

Верёвочкой к моим ногам.

«Призывая быть ближе к природе, тоньше чувствовать её, потому что никто так не выразил её сути, красоты и естественности, как сама природа, поэт находит как всегда простые и поэтичные слова.

Как токует оглохший глухарь

И кукушка как славно кукует!..

Даже самый толковый словарь

Так толково про мир не толкует.

Как превосходно обыгрывается здесь слово «толковать», вот будто лежало оно нетронутым сотни, может, лет, пока поэт не набрёл на него и счастливо не соединил это слово «толковать» с «толковым словарем», со словом «толковый», слова эти встретились в одной строке и волшебным образом не помешали друг другу...

Владимир Иванов жёстко отказывается от всякого рода экспериментов, всяческой внешней искусственной экспрессии стиха, оставаясь верным нелёгкому, выработанному и утверждённому прежними достижениями ивановскому стилю, своему ивановскому почерку.» Таково мнение замечательного поэта Виктора Баянова. А от себя замечу: иметь свой почерк, свой стиль – это дорогого стоит.

В твоих стихах стало проглядываться второе дно, второй смысл. Если раньше было:

Зрачком бездонной синевы
 Росинка в чашечке живёт,
 И чей-то голос из травы
 К себе прислушаться зовёт.

То теперь. Возьмём близкое по тематике стихотворение «Голос травы»:

Не коси меня, коса.
 Пусть меня живит роса.
 Погоди еще денечки,
 Если сроки и близки.
 Ведь не все мои цветочки
 Распустили лепестки.
 И не все ещё шмели
 Цвет на лапки намели.
 Не коси меня, коса!..

На первый взгляд – простая просьба травы продлить ей жизнь в пору сенокоса. Юный читатель такой смысл и увидит. И будет прав. Но что ещё может в этих стихах открыться человеку зрелых, преклонных лет? «Не коси меня,

коса...» Смерть с косою, не приходи пока ко мне! Помедли. Я ещё не всё успел в жизни. «Погоди ещё денёчки, если сроки и близки».

В этой неоднозначности смысла усматривается новая ступень твоего поэтического развития. Вот говорю и понимаю: как однолинейно, одномерно и плоско выходит изложение сложного творческого процесса, развития поэта! О стихах вообще трудно говорить. Лучше их читать и понимать, чем препарировать. Нельзя не согласиться с тем, что написал при публикации твоих стихов в журнале «Москва» литературовед, кандидат филологических наук Вадим Дементьев: «Не спеша, философски осмысляет действительность Владимир Иванов, больше ориентируясь на познание природы, воспевая радость слияния с ней. Строки его трепетны и многозначны, вокруг них образуется как бы аура недоговорённости, но это не признак слабого мастерства автора, а неоднозначность смысла, который и нам нужно понять и прочувствовать».

О радости слияния с природой уместно привести строки:

И что вчера казалось хмурой высью,
Сегодня синевою обдаёт.
И сердце радо, что теченье мысли
Сливается с теченьем талых вод!

Но в последующем ты явил неоднозначность ещё иного рода. Вектор твоей поэзии из обыденного круга направился во внутреннюю глубину и в вышние сферы. Вот что писал об этом Владимир Есенин: «Главная и парадоксальная особенность в миропонимании и творчестве Владимира Иванова в том, что его внутренний взор органично соединяет два противоположных начала – макро и микрокосм. Поэзия его стоит как раз в месте соединения миров, где происходят самые тонкие эфирные процессы, загадочные и непонятные, как сны. Сила поэзии автора как раз и заключается в двойственной природе, сплавленной любовью в монолит стихотворного слова.»

Звёздное небо над головой стало смыкаться, сливаться с внутренним миром:

Вселенная не признаёт
Ни вечности, ни расстоянья.

И только время выдаёт
Земное наше пребыванье.

Утончилась душа, истончилась –
Нипочём ей запоры дверей! –
И в пространстве навек растворилась,
Стала духом лесов и полей.

Дух мой вольный на просторе,
Сердце тянется к земле,
И смирить их в вечном споре
Не хватает воли мне.

Мерю жизнь земною мерой,
Но влечёт иная твердь, –
Будто я ошибся дверью
И вошёл в земную дверь.

В дни, когда ручей вовсю лопочет,
Каждый час отмечен новизной, –
Как волнует горький воздух почек,
Шум берез, дымок над головой!..

Но вдвойне дороже мне всё это
Оттого, что домик наш – Земля,
Может быть, всего одна планета,
Где витают запахи жилья.

Друзья! Пока имеем
Земную оболочку,
Да разве мы посмеем
Поставить в дружбе точку!

Листва наперечёт
Нацелена на Млечность.
Я слышу, как течёт
В прожилках человечность.

И гулкий небосвод
В эпоху ветровую
То жизнь мою качнёт,
То былку полевою.

Да слиться судьбой воедино
Мне с миром высоких чудес,
Где вышит крестом журавлиным
Застиранный ситец небес!

Черным словом вдруг застило солнце,
Темным взглядом лучи обожгло,
Что текли в золотое оконце,
Где все стороны света свело.

Деревянно домой воротился

И забылся в наркозной тиши.
Только внутренний гул разносился
Во все стороны мрака души.

За часы просветления в мире
Утаить ли мне тайну одну:
Я глазами насытился ширью
И душою тянусь в глубину.

В глубине, где живого основа,
Мне из вечности видишься ты, -
Скоротечного лика земного
Сохраняя родные черты.

Ты в роще незримо витаешь.
Тебя я хочу остеречь:
Опасно порой залетаешь
На пламя берёзовых свеч.

Всю рощу шатает от гуда!
Сегодня со мной тебя нет,
Но вижу: ты - всюду,
Куда простирается свет.

Старик на пригорке сидит.
Исполнивши предназначенье
На этой земле, он следит

За греющим душу свеченьем.
 Он сам не поймет, почему
 От дел и забот его тянет
 Забыться, вечернею ранью
 Уставясь в грядущую тьму.
 Его просветлели черты,
 А свет между тем убывает...
 Он чует гонца с высоты,
 И звон бубенцов нарастает.
 Сквозь шум недалёкого леса,
 Сквозь дальние отзвуки гроз
 Ему все доступнее эхо
 Вселенского оклика звёзд.

 И вся Вселенная сияет,
 Как нимб, над бедной головой!

Приведенную подборку твоих стихов я начал и закончил вселенской картиной. И везде у тебя человек явно или незримо присутствует в звёздном пространстве. Внутренний мир человека соотносится с мирозданием. Масштаб мироощущения расширился. Не удивлюсь, если такая линия развития поэзии окажется одной из ведущих.

Ещё вот на какую особенность твоей поэзии обратил внимание. Впрочем, не я первый. Приведу опять же цитату из отзыва Владимира Есенина: «Язык В. Иванова пахнет дымами Отечества, у него обостренный слух на интонацию, звук слова, уникальное умение переводить богатство красочной палитры природы в стихотворную плотность. Можно утверждать, что в этой составляющей его поэтического творчества кроется не меньший смысл сказанного им, чем в прямом значении слов. Но смысл особого рода, доступный тому, кто сам хоть немножечко поэт по своему душевному строю.»

Вот начало одного из твоих стихов:

**С утра осыпает порошей
Стога и лога на лугах.**

Звукопись и музыкальность этих строк заметит любой слушатель. Но обычно это свойство присутствует в твоей поэзии приглушенно и воздействует на читателя подспудно, незаметно. Приведу характерное в этом плане твое стихотворение:

**Огни. Река. Да звёзд вращенье...
Да с тихим скрипом там и тут
Избушки ветхого селенья
К восходу ставнями гребут.
Но прежде чем рассвету литься,
Но прежде чем луна сгорит –
Вдали всю ночь под шелест листьев
Калитка с ветром говорит...
И воды пдещутся негромко,
И слышны вздохи вдалеке,
Как будто кто грустит о ком-то
На позабытом языке.
И словно кто кого окликнул
В своей наивной простоте...
Но путь забыт, но кров покинут...
И вздох растаял в пустоте...**

Вне зависимости от текста звуки свободно перетекают из строки в строку и создаётся особое настроение, ощущение чего-то магического. И не только в данном стихотворении.

- Но это не специально. Важно услышать, ощутить ту брунжащую струну, которая и есть зародыш стиха, задаёт тон всему стихотворению.

- Но о поэзии поставим точку. Плавно сменив тему, поговорим о прозе. Ты много лет одновременно пишешь и поэзию, и прозу. Подход к стихам и прозе чем отличается, насколько разнится? Можешь сравнить?

- Проза делает предметом искусства подробности бытия. Прозаику важно запоминать предметы во всех деталях, описывать события со множеством характерных подробностей. Вот почему ему лучше вести записи. А поэт наоборот – из всех подробностей выявляет самое главное. Сидит дед во сто шуб одет, кто его раздевает –

слёзы проливает. Это словно о поэтах сказано. Снимая сто шуб, - отыскать сердцевину, поэтическое зерно. Но чаще за словесной шелухой у стихотворцев сердцевинки-то и нет. Вот в чём казус-то: нет сердцевинки в луковице – и всё тут! Хоть плач! Строчки есть, а поэзии нет.

Для наглядности приведу свои строки:

Вдали туман парит над речкой.
 Кругом так чисто и светло!
 Уже зима. И каждый встречный
 Идёт, застёгнутый в тепло.

Так вот! В поэзии главное – выявить суть, отбросив сто шуб. Не в том суть, что человек одет в шубу, тулуп, пальто или куртку. А в том суть – что он застёгнут в тепло. Для прозы – наоборот: во что он одет, какой одежда фасона, покроя, цвета, из какой материи. То есть, описанием одежды писатель даёт читателю представление о персонаже, из какой он, скажем, среды. Вспомните Гоголя, как он смакует детали, как всё подробно описывает!

Повторюсь. Поэзия и проза творят искусство разными методами, разными способами, разными приемами. Проза идет к этому через подробности, а поэзия – наоборот, отсекая все подробности, всё лишнее, выявляя главное. Я бы сказал, прозаики и поэты работают в противоположных направлениях. Проза – это житейское, будничное, повседневное, бытовое. Поэзия – духовное, потаённое, надмирное, возвышенное, выше тлена, выше бренности мира. По большому счёту поэзия призвана искать, находить и являть миру такие ценности и свойства жизни, которые выше повседневного быта и неразличимы в будничной суете, но составляют, может быть, основную суть и оправдание человеческого бытия. Кто сочетает прозу с поэзией – единицы. Я не говорю о тех, кто вообще пишет, а о тех, кто создал настоящее, подлинно художественное и в прозе, и в поэзии. Пушкин, Лермонтов, Бунин, например.

- У тебя четыре повести. Все они сюжетно законченные. Во всех четырех – одни и те же основные персонажи. Действие разворачивается в армии, в городе, в селе. Во всех тех местах, которые ты упомянул сейчас в своей биографии. Можно ли говорить, что повести автобиографичны?

- Это не совсем верно. Я не вел записных книжек как прозаик, о чём жалею. Тогда не считал это нужным, весь был в поэзии. Ну и пришлось в прозе первоначально

опираться на факты своей биографии. А сами действия имеют мало что общего с моей собственной жизнью. За исключением, пожалуй, сельской повести. Да и там вымысла достаточно.

- Повести написаны традиционно, чего не скажешь о рассказах. Но о них разговор впереди. А пока о повестях. Две из них – о младшем брате главного героя, остальные две - о главном герое. Несмотря на традиционное изложение, они выстроены таким образом, что видится пропущенное между повестями. В результате - два плюс два равняется не четырём, а составляет нечто большее. Более того! Четыре повести сюжетно составляют одно единое целое! Что выбивает всё произведение из традиционного ряда. Это – что? Какие-то изыски?

- Никакие не изыски. Просто материал напросился, чтобы его изложили так, а не иначе.

- Ты назвал самой автобиографичной повесть о селе. Помнится, её первоосновой был рассказ «Сенокос». Он широко печатался в журналах – «Наш современник», «Родная Волга», «Земля сибирская, дальневосточная», «Чаша круговая», «Дальний Восток» и других. Я вот думаю – чем он приглянулся? Вроде бы бесхитрое повествование о двух днях пребывания детей у своих стареющих родителей. Да и в повести осталась эта же сюжетная канва. Что же тут особенного? Лиричность, всё ещё длящееся эхо войны, боль от утери связей поколений – вот что подкупает! Многие читатели усмотрят здесь и собственную судьбу. Это знаковая проза, обобщённая судьба послевоенного поколения.

Мы упомянули, что рассказ перетёк в повесть. Другие повести тоже вышли из рассказов?

- Нет. Бывало наоборот. То, что вначале задумывалось как повесть или драматургия, ужималось потом до рассказа. Если исходить из того, что искусство помимо прочего заключается ещё и в том, чтобы на меньшем пространстве, объёме выразить как можно больше, то рассказ для этой задачи самый подходящий жанр. К тому же в наше вечно спешащее время, рассказ – самый подходящий формат. Писать его трудно, текст не спасёшь плетением словес. Всё должно быть выверено, должно стоять на своём месте. Рассказ имеет нечто общее со стихами. По ёмкости смысла, по сжатости выражения, по ассоциативным связям. Вообще лучшие рассказы по содержанию потянут на повесть, а то и на роман. Вот на столе складной зонтик. Занимает мало места. Как и рассказ. А раскроешь его, развернёшь... Сравни, сколько он места занимал

сначала и сколько пространства охватил теперь! Так и настоящий рассказ: в малом формате – огромное содержание. Это достигается... Как достигается? А кто его знает! Если механически паковать события, как зонт, - ничего не получится. Выйдет нарочитое смещение событий, времени, эпатаж, пустышка. А как же тогда научиться писать? Да никто никогда никого ни при какой погоде писать не научит! Только сам! Можно лишь научить учиться. Пытаться понять, как в текстах лучших писателей это сделано, как это написано. Научиться опускать лишнее, научиться читать между строк. Это трудно. Писатель же про это не писал, а почему я это знаю? А потому знаешь, что писатель достиг такого мастерства, что тебе это между строк, умолчанием сказал! Учиться писать – это ещё и научиться читать. Люблю читать академические издания писателей. С профессиональным интересом читать записные книжки автора, примечания, варианты текстов произведения, сноски, пространные комментарии учёных-специалистов, что характерно для академического издания. В своё время, когда читал «Двенадцать стульев», записные книжки Ильи Ильфа были постоянно под рукой. Из них наглядно видно, какая полспудная работа предшествовала появлению этого знаменитого романа Ильфа и Петрова.

Общеизвестно: скульптор отсекает от мрамора лишнее – и выходит прекрасная Венера Милосская. Как удивительно в паузах воздух поёт за него, сказал поэт про соловья. В паузах – это между строк, фигурой умолчания. Я не просто так привёл строки поэта про воздух. Чрезмерная плотность рассказу может и навредить. Не будет места для воздуха, для читательского воображения. Нужно чувство меры. А этому тоже никто не научит. Скорее, это врождённое чувство. До тебя создано столько прекрасных творений! Что ты ещё можешь добавить? В идеале – написать о том, о чём еще не писали. Или написать так, как до тебя не писали. Но если написал, о чём ещё не писали да ещё как до тебя не писали – так ты вообще гений! Новизна подачи, новизна темы должны присутствовать хотя бы отчасти. А что касается композиции... Когда всё пережито, пропущено через душу и сердце, осмыслено, о чём хочешь поведать, - рассказ сам подскажет, в какой форме его изложить.

- Вот рассказ «На угольях», который тоже считаю знаковым. Кстати, и он ведь печатался в журнале «Наш современник». Там речь о разведанных залежах угля. Их планируют добывать открытым способом, убирая верхний слой земли, а затем горную породу. Угольные пласты залегают под частью поселка. Здесь, у кромки тайги, ещё до революции обосновались предки главного героя. Он хотел бы, чтобы и дети его продолжали свой род здесь, на родной земле. Уже рубится

сруб для дома дочери с зятем. Но узнав, что эта часть посёлка, скорее, подлежит сносу, герой теперь в смятении. Теряется всё! Даже могилы предков придётся убрать. Теряется смысл дальнейшего обустройства на родной земле. В обобщённом плане – это ведь про Кузбасс. Часть посёлка, подлежащий сносу, - это часть Кузбасса, где добывается уголь. В этом плане и называю рассказ «На угольях» знаковым. Кто живёт по соседству с «лунными пейзажами» после угледобычи открытым способом – тот поймёт всю трагичность житейской правды. Рассказ был написан давно, а сегодня ситуация обостряется. Растут объёмы добычи угля, ухудшается экология, растёт нагрузка на природу. Тема становится всё актуальней. Твой рассказ оказался не только знаковым, но и символичным. А ведь никто ранее так тему не поднимал. Как зарождался рассказ?

- Вначале были стихи. В одном из стихотворений есть у меня строчки: «На углЯх, как на угОльях, на земле своей живём.» В другом стихотворении «Экскаваторщик» вскрышник, узнав, что ему придётся экскаватором сносить свою родную землю для добычи угля, горестно вопрошает: «Как руками вот этими рвать под собою родимые корни?» То есть, тема была обозначена, меня она тронула. Но это, скорее, не предмет поэзии, наиболее полно тему можно развить и выразить в прозе. Кстати, рассказ «Сенокос» сперва прорастал тоже в стихах.

- Любопытно! Из стихов выходил рассказ, из рассказа – повесть.

- Да. Бывало и так.

- Всё время упоминаем журнал «Наш современник». Где, кстати, и стихи твои публиковались неоднократно. Поговорим о рассказе «Две судьбы – одна война», тоже там напечатанном.

- Рассказ этот об отце и сыне. Действия происходят на фронте и в тылу. Сын воюет, а отец на трудовом фронте председатель колхоза. Сына-разведчика ранило в живот. До того, как его подобрали и увезли в лазарет, прошло много времени. Более шести часов. А сын ещё при первом ранении в полевом госпитале мельком слышал разговор бывалых солдат про негласный циркуляр: если после ранения в живот прошло более шести часов, - бойца не оперировать, крайне низок процент выживающих.

- Я про такое не слышал и не читал.

-А я сам слышал от фронтовика. Припомнив разговор, юный боец сказал хирургу, что его ранило недавно. Его прооперировали, и он выжил. Но военная часть рассказа не только об этом.

- Конечно, нет. Обстоятельно выписаны обстановка перед нашим наступлением, наблюдательный пункт разведчика, его мысли, чувства. Детали убедительны, словно ты сам был на фронте.

- Не я, отец мой воевал. Услышанная от него окопная правда тоже легла в строку. Возьмём, к примеру, такой момент. Разведчик ведёт наблюдение за вражескими укреплениями в стереотрубу. А это вам не бинокль, стереотруба – вещь штучная и дорогая. Кто же позволит рядовому бойцу ею пользоваться! Пользуются командующие фронтами и крупными соединениями. Врёшь ты, парень, пороха не нюхал! Понятия не имеешь, о чём пишешь! Раз мы о писательстве, - так вполне мог бы сказать бывалый фронтовик и замечательный писатель Виктор Петрович Астафьев. И был бы прав! Когда писал военную часть рассказа, он – незримый судья, был рядом. Но стереотруба в моём рассказе не обычная, а трофейная. Что это значит? А это значит, добыли её у врага в бою или при выполнении разведзадания. О данном трофее командирам выше не доложили, оставили себе решать свои разведывательные задачи. Разведчики – бойцы отважные, рискованные. Главное - под трибунал за такое не загреметь.

- Видишь, сколько пришлось говорить из-за одного единственного слова. Вот что значит даже малый нюанс в рассказе!

- Вряд ли внимание читателей привлечёт этот нюанс, слово «трофейная». Но мне было бы достаточно, если заметил и оценил Виктор Петрович. Сказал бы: ты не сфальшивил, парень!

- Коснёмся колхозного быта в войну – второй части рассказа. Общее впечатление от литературы на эту тему – народ работал для фронта на патриотизме-энтузиазме, понимая и принимая все трудности военного времени. Это, конечно, так. А вот какова была реальная жизнь сельчан, - немало узнал из рассказа. Колхозников обирали как липку, по выражению твоего председателя. Они три года не получали за трудодни. Но налоги плати: за каждую живность, картошку, лук, капусту... Как только взойшло – приезжают, обмерят посевы, выписывают налог, а будет урожай, не будет – это их не касается. Кроме денежного был ещё и натуральный налог, к примеру, за живность – мясом. Вскладчину покупали бычка и сдавали мясо за двоих-троих. А если задолжал, - могли и корову забрать. Голодным колхозникам председатель, рискуя, выделял под картошку участки на поле, где делянки замаскированы под сплошной колхозный массив. Описаны и другие моменты тяжкого колхозного быта. А наряд-задания по военному займу! Отдельно на весь колхоз, а ещё по другому списку –

отдельно для каждого колхозника. Есть можешь – уплатишь, нет денег, как чаще и бывало, – должником остаёшься. Весь в долгах как в шелках! Об этой беспросветной стороне жизни селян в пору военного лихолетья я нигде не читал. Стало больше понимания, какой ценой, какими лишениями и в тылу давалась Победа.

Продолжим о рассказах. Конечно, как не писали и о чём не писали – деление умозрительное, условное. Но всё же. В каждом конкретном рассказе чего больше из этих двух компонентов, - мы о том и говорили. Говорили больше – о чём прежде не писали. Но есть у тебя рассказы, где превалирует, - как не писали.

Сюда бы я отнёс рассказы «Лошадиная сила», «Эмоция», «Не покидай меня!» Мне кажется, наиболее полно это выражено в последнем рассказе. И совсем не случайно коллективный сборник рассказов кузбасских писателей, где есть и твои, так и был назван – «Не покидай меня!» Музыку лучше слушать, чем о ней рассказывать. Стихи лучше слушать или читать, чем о них рассказывать. Я бы так сказал и об этом твоём рассказе.

Беседа наша пошла в такой плоскости потому, что ты сам задал тон, сказав, что в рассказах хотя бы отчасти должно присутствовать: или о чём не писали, или как не писали. Проза у тебя разная – и по темам, и по композиции. Возьмём краткие цитаты из статьи московского критика Русланы Ляшевой в журнале «Литературный меридиан»: «Давно заметила, что хорошая книга подталкивает к размышлениям... Из числа таких изданий оказался сборник прозы Владимира Иванова «Что душу волнует – тем память живёт» В повести-ностальгии «Перевозчик, помедли» продолжается традиция деревенской прозы. В рассказе-фантазии «Эмоция» умелое использование в сюжете фантастики. «Динозавр», рассказ-случай, повествует о широте души и помыслов русского человека... И такие книги, как проза Владимира Иванова, укрепляют наш моральный дух. Это настоящая народная литература.» Критик Ляшева отметила разнообразие твоей прозы и дала достойную оценку творчеству.

А вот ещё оценка. Ты мне показывал подаренную книгу Владимира Мазаева «Крутизна» с автографом: «Володе Иванову – чья чистая проза была мне всегда близка и интересна. Творческих тебе успехов!». Присоединяюсь к мнению и пожеланию нашего замечательного писателя.

Обычно, когда автор творит разнообразно, о нём штампованно пишут: мол, автор ещё в поиске, не нашёл своей темы, не нашёл себя. Но у тебя это не вразброс и враздробь. Всё объединяет одно – это проза поэта. В рассказах, небольших, ёмких, - воздух поэзии.

- Я и стремлюсь писать о разном и по-разному.

-Желаю тебе побольше такого разнообразия. И вообще, чтобы в творческом багаже прибавлялось и прибавлялось. Хотя и написано немало.

- Благое пожелание! Написанное – лишь горсточка от большого подсолнуха.

- Но всё же! Вспомним сказанное Вольтером: в бессмертие отправляются с небольшим багажом.

- Ну да! Скажи это Гомеру, Данте, Шекспиру, Сервантесу!

Беседу вёл Владимир Михеев